

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

В. А. Мазиллов

Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 12-06-00320)

Прослеживается противоборство парадигм в современной психологии. Утверждается, что ведущими в настоящее время являются естественно-научная и гуманистическая парадигмы. Обсуждаются перспективы синергетической, психотехнической и постмодернистской парадигм в современной психологии. Обосновывается вывод, согласно которому для парадигмального взаимодействия или парадигмального синтеза необходим пересмотр и более широкая трактовка предмета психологии.

Ключевые слова: парадигма, психология, естественно-научная парадигма, герменевтическая парадигма, синергетическая парадигма, предмет психологии

V. A. Mazilov

Prospects of Paradigmatic Synthesis in Modern Psychology

The antagonism of paradigms in modern psychology is traced. It is claimed that nowadays the leading ones are natural-science and humanistic paradigms. Prospects of synergetic, vocational psychology and post-modernist paradigms in modern psychology are discussed. It is proved the conclusion according to which revision and broader treatment of the subject of psychology is necessary for paradigmatic interaction or paradigmatic synthesis.

Keywords: a paradigm, psychology, a naturalistic paradigm, a hermeneutic paradigm, a synergetic paradigm, the subject of psychology.

В последнее время в психологических работах, в многочисленных методологических дискуссиях довольно часто используется понятие «парадигма». А.В.Юревич отмечает: «Методологическое самоопределение психологической науки, как правило, осуществляется в терминах парадигм, а это, введенное Т.Куном, понятие получило в ней намного более широкое распространение, нежели такие его «конкуренты», рожденные на территории философской методологии науки, как исследовательская программа (И. Лакатос), исследовательская традиция (Л. Лаудан) и др.» [15, с.3]. Столь различное внимание к вышеперечисленным методологическим категориям, на наш взгляд, объяснимо: с методологическим уровнем, который характеризуется, в частности, понятием «парадигма», связаны наиболее острые проблемы современной психологии. Понятия исследовательская программа и исследовательская традиция в большей степени используются в работах по истории психологии. Поэтому не удивительно, что психологи обращаются в первую очередь к понятиям этого

уровня: как именно должна строиться научная психология для того, чтобы считаться полноценной наукой? Да и фактор моды не стоит недооценивать.

Согласно А.В.Юревичу, «существуют три позиции относительно парадигмального статуса психологии. Согласно первой, которой придерживался сам Т.Кун, психология представляет собой допарадигмальную дисциплину, в которой единая парадигма, способная интегрировать различные «психологии» в единую науку, еще не сложилась, что и отличает ее от более развитых – естественных – наук. Согласно второй, психология это мультипарадигмальная наука, обреченная на сосуществование различных парадигм, а значит, и принципиально различных вариантов понимания психического, подходов к его изучению, способов производства знания, критериев его верификации и т.д. Согласно третьей позиции, психология внепарадигмальная научная дисциплина, а представления о парадигмальной логике развития науки, наработанные на материале изучения истории естественных наук,

главным образом физики (напомним, что Т. Кун по образованию был физиком), к ней не применимы» [15, с. 3]. А.В. Юревич отмечает, что в современных условиях в психологическом сообществе доминирует вторая позиция, то есть большинство исследователей полагают, что психология это мультипарадигмальная наука.

Такая констатация представляется знаменательной: еще десять лет назад все обстояло по-иному. В 1999 году А.В. Юревич отмечал, что преобладающее сейчас определение методологического статуса психологии на основе третьей позиции (внепарадигмальная область знания) позволяет психологии преодолеть комплекс непохожести на точные науки [14]. Обратим внимание еще на один момент. А.В. Юревич отмечает, что «понятие парадигмы используется достаточно вольно, за что, если не рассматривать это как недостаток методологической рефлексии психологии, можно возложить ответственность не только на психологов, но и на самого Т.Куна, который не определил введенное им понятие достаточно четко. В результате уже в начале 80-х гг. прошлого века М. Мастерман насчитала 35 различных пониманий парадигмы, количество которых с тех пор еще более увеличилось. Все основные подходы к изучению психического, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и др., принято именовать парадигмами. В то же время психологи, видимо, ощущают некоторую несоразмерность подобных подходов к этому понятию, в результате чего в последние годы обозначилась тенденция считать парадигмами в психологии лишь наиболее глобальные исследовательские направления, такие как естественно-научная и гуманитарная психология, разделение на которые сопровождает психологию с первых ее шагов» [14, с.3-4].

Как можно полагать, современная психология находится в таком положении, когда внутри нее представлены различные парадигмы. С необходимостью приближается время, когда придется осуществлять попытки межпарадигмального синтеза. Статья посвящена обсуждению этих вопросов.

Парадигма в современной философии науки обозначает совокупность убеждений, ценностей и технических средств, принятых научным сообществом и обеспечивающих существование научной традиции. «В связи с критикой неопределенности термина парадигма Кун в дальнейшем эксплицитировал его значение посредством дисциплинарной матрицы, учитывающего, во-

первых, принадлежность ученого к определенной дисциплине и, во-вторых, систему правил их научной деятельности. Наборы предписаний парадигмы состоят из символических обобщений (законов и определения некоторых терминов теории); метафизических элементов, задающих способ видения универсума и его онтологию; ценностных установок, влияющих на выбор направлений исследования, и, наконец, «общепринятых образцов» – схем решения конкретных задач («головоломки»), обеспечивающих функционирование «нормальной науки» [13, с. 227].

Согласно Л. Гарай и М. Кечке, для современной психологии характерно противостояние двух основных полупсихологий: естественно-научной и герменевтической. «Психология находится в уникальном положении, так как линия раскола проходит как раз по ее корпусу, рассекая его на две полунауки: считающая себя одной из естественных наук, применяющая их позитивистскую методологию «объясняющая психология» – и помещаемая среди исторических наук, орудующая их герменевтической методологией «понимающая психология» [2, с. 92].

Венгерские авторы отмечают: «А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (*geisteswissenschaftliche*) психологию естественно-научной (*naturwissenschaftliche*). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтей сформулировал следующим образом: «Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что тот, кто исследует историю, идентичен тому, кто ее творит»... Мы приписываем этому соображению фундаментальное значение, потому что, например, Гадамер ... сделал из него вывод, согласно которому опыт о социальном мире не может быть превращен в науку посредством индуктивного метода естественных наук» [2, с. 87]. Знаменателен вывод, к которому приходят венгерские психологи: «пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественно-научного, оно то и дело будет наткнуться на несуразности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что

ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественно-научной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затяжные попытки воссоздать единство способом навязывания естественно-научной логики рассуждениям в области другой полупсихологии» [2, с. 90–91]. «Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественно-научной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» [2, с. 91].

Итак, на протяжении длительного времени конфликт между парадигмами выступал в разных обличьях. Дело в том, что одна и та же парадигма в истории психологии могла воплощаться (точнее, могла порождать, так как это основная функция парадигмы – продуцировать концепции) в разные концепции. Достаточно обратиться к учебнику по истории психологии, чтобы обнаружить противоречия между психологией материалистической и спиритуалистической, объективной и субъективной, объясняющей и понимающей, психологией сознания и психологией поведения и т. п.

Сегодня отчетливо представляется, что в качестве основных парадигм, определяющих лицо психологической науки, все же выступают две – естественно-научная и герменевтическая.

Основные черты естественно-научной парадигмы, которая в свое время конституировала научную психологию, по-видимому, могут быть сведены к следующему: 1) психология имеет объект исследования и научный предмет, аналогичные объектам и предметам естественной науки; 2) предмет психологии (так же, как и в любой естественной науке) подлежит объяснению; 3) в психологии должно использоваться причинно-

следственное объяснение; 4) в психологии предполагается явная или неявная редукция, то есть сведение психического к непсихическому; 5) в психологии применимы общие схемы исследования, разработанные в естественных науках (структурный, функциональный, процессуальный, генетический, уровневый или их определенные сочетания).

Отметим, что некоторые характеристики, которые обычно считаются признаками естественно-научного подхода в психологии – атомизм, элементаризм, конструктивность (в дильтеевском смысле), склонность к психофизиологическим объяснениям и т.п., по-видимому, не входят в ядро парадигмы. Поэтому целесообразно в дополнение к парадигмальным характеристикам использовать понятие ориентации исследования, имея в виду элементаристскую или целостную ориентацию.

Герменевтическая парадигма в психологии предполагает, что психология имеет иной объект, качественно отличный от объектов естественных наук. Поэтому объяснения, предполагающие редукцию, в психологии неприменимы. Вместо объяснения должны использоваться описания, важное место в герменевтической парадигме принадлежит типологиям.

А.В. Юревич отмечает, что «вычлняются шесть ключевых характеристик гуманитарной парадигмы, отличающих ее от парадигмы естественно-научной: 1) отказ от культа эмпирических методов; 2) признание научным не только верифицированного знания, подтвержденного «внесубъектным» эмпирическим опытом; 3) легализация интуиции и здравого смысла исследователя; 4) возможность обобщений на основе изучения частных случаев; 5) единство исследования и практического воздействия, 6) изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст» [15, с. 5].

Как же соотносятся эти парадигмы? На самых ранних этапах имела место прямая конфронтация – открытое противопоставление по принципу «или – или» (хотя, нужно заметить, что такие авторы, как В. Дильтей, Г. Мюнстерберг имели достаточно «мягкие» позиции, признавая право на существование и «другой» психологии. Экстремистами, как это часто бывает, были последователи). Затем наступает период «логического империализма» (Л. Гараи, М. Кечке) – попытки распространить логику одной из «полупсихологий» на всю психологию. К большим успехам это не привело (по образному выражению

Л. Гараи и М. Кечке, это приводит к многочисленным «несуразностям»). Попытки прямого «синтеза» успеха также не имели, поскольку в этом случае объединение может быть лишь декларативным. Напомним, что различие между парадигмами чисто методологическое, поэтому поделить «сферы влияния» (скажем, низшие функции – одной, высшие – другой) не представляется возможным. В этом случае предпринимается более тонкий, более «современный» способ. Для исследования выбирается такая единица, которая непосредственно не относится ни к одной, ни к другой сфере. Примером может послужить цитированная выше работа венгерских психологов. «Производство истолковывалось будапештской исследовательской группой как интегративный принцип, без которого гуманитарные науки были бы обречены на вечные попытки выводить либо культуру из природы человека, либо образцы повседневного поведения из человеческого духа. А это увековечило бы раскол между объясняющей и понимающей гуманитарными науками» [2, с. 91].

Сами Л. Гараи и М. Кечке видят выход из сложившейся ситуации, которую именуют «шизофренией психологии», в обращении к работам Л.С. Выготского: «В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского» [2, с. 91]. Согласно венгерским авторам, «сама деятельность имеет два в одинаковой степени важных аспекта: объект, на который она направлена, и субъект этой деятельности. Объект деятельности трактуется в рамках логики естественных наук, субъект деятельности определяется в таких интеракциях, о которых... было показано, что они определяются в логике исторических наук» [2, с. 94]. Другие авторы (например, М. Коул) видят выход в соединении в рамках одного исследования идиографических и номотетических методов. Примером, согласно Коулу, может служить романтическая психология А.Р. Лурии [18]. Сходную точку зрения, в которой подчеркивалась первичность целостного описания, формулировал в свое время А. Маслоу.

По нашему мнению, разрешение конфликта между естественно-научной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к

более широкому, чем традиционное, пониманию психического.

Впрочем, это только «классическая» оппозиция. Появляются попытки преобразовать психологию на новой основе, соответственно, появляются иные парадигмы. В юбилейном номере журнала «Вопросы психологии» (посвященном 100-летию со дня рождения Л. С. Выготского) помещена чрезвычайно интересная статья Ф. Е. Василюка. Название этой статьи, получившей очень широкий резонанс, – «Методологический смысл психологического схизиса». Схизис – расщепление психологии – трактуется Ф. Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности...» [1, с. 26]. Ф. Е. Василюк подчеркивает, что «наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят научного, теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» [1, с. 27]. Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что «наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в выработке общепсихологической методологии» [1, с. 27].

Не вдаваясь в обсуждение этой глубокой и интересной статьи, отметим, что с последним тезисом согласиться нельзя. На наш взгляд, это может привести лишь к ликвидации психологии как науки, какой она, вне сомнения, все же является. никоим образом не подвергая сомнению важности занятий разнообразными видами психологической практики, выскажем опасения, что, на наш взгляд, с *общепсихологическо-методологическим* значением практики дело обстоит не так просто. Прежде всего, констатируем, что лозунг «от исследования психики к работе с психикой» в принципе не является новым. Об этом более тридцати лет тому назад неоднократно говорил известный отечественный методолог Г. П. Щедровицкий. Психотехнические «мотивы» в творчестве Л. С. Выготского обна-

руживал, как известно, А. А. Пузырей. Впрочем, дело, конечно, не в этом. Перенос акцента с исследования психики на работу с психикой приводит на самом деле к тому, что утрачиваются научные критерии исследования. В результате все подходы к работе с психикой как бы становятся «равноправными»: и психотерапия, и коррекция биополей, и снятие порчи, «сглаза» и т. д. становятся процедурами принципиально равноправными. Во-вторых, подобное изменение акцента, похоже, закрывает дорогу перед исследованием психического *как оно есть*. Такое исследование, хотя его и не так просто осуществить, все же возможно (во всяком случае, история психологии убедительно свидетельствует, что это иногда случается). В-третьих, хорошо известно, что когда с чем-то работаешь (тем более, если это психика), очень легко получить артефакт. Поэтому в данном случае, скорее, исследуется не сам объект, а то, что при определенных условиях из него можно получить. Это, конечно, объект определенным образом характеризует, но в этом случае всегда существует опасность смещения «существенного» и не вполне существенного (см. известный этюд классика о стакане). Критерии во многом задаются «техникой».

При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим, что автор не против подхода, но против его методологического значения для общей психологии), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей. Ф. Е. Василюк пишет: «В отечественной психологии мы находим прекрасный образец реализованного психотехнического подхода. Это теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина. Без специального методологического анализа, уже чисто стилистически очевидна психотехническая суть этой теории: не теория мышления, не теория умственных действий, но именно теория формирования, т.е. теория работы с психикой, а не самой психики» [1, с. 32]. Здесь все абсолютно верно. Действительно, с психикой можно работать подобным образом. Но что мы отсюда узнаем о самой психике? Что она может выполнять функцию ориентировки? Для практики это, наверное, хорошо, но для теории (тем более, для методологии) этого все же мало (хотя бы потому, что совершенно ясно: в любом случае психика не только ориентировка).

Впрочем, еще в прошлом столетии К. Д. Ушинский, ратовавший за психологию, очень верно заметил в «Педагогической антрополо-

гии», что ничто так не обнаруживает односторонности теории, как ее приложение к практическим целям. Может быть, дело в психологических теориях?

Решение практических вопросов предполагает работу с целостным объектом, практика объектна. Наука – и в этом ее сила – предметна, что позволяет, используя идеальные объекты, строить теории предмета. Таким образом, научные и практические знания о «человекомерных» (выражаясь языком философов) системах весьма различны. Мощная составляющая современной практически ориентированной психологии – разного рода психотерапевтические процедуры, предполагающие работу с целостной личностью (или с группой личностей). Консультативная работа – это работа с целостной личностью. И мы ошибемся, если будем предполагать, что теоретической основой различных психопрактик являются психологические теории, принадлежащие к достойной всяческого уважения академической науке. Скорее будет правильно, отдавая дань веку постмодернизма, определить эту основу как мифологию, точнее, мифологии, потому что они столь же многообразны, как и сами психотехники. Собственно, этот разрыв между практикой и психологической теорией существовал давно: еще Л. С. Выготский в 1927 году иронизировал относительно трудноприменимости эйдетической редукции Эдмунда Гуссерля к отбору вагоновожатых.

Интенсивная практика (а сейчас мы имеем дело с «ренессансом» психологии в сфере образования) делает эти проблемы более острыми и потому более явными. Практика находит «свою» теорию. Очевидно, что чаще всего это не научная психология. Иногда теоретическая работа в практических направлениях очень интересна и может быть объектом специального анализа [7]. Важно здесь подчеркнуть следующее. Разрыв психологической науки и практики свидетельствует – и это очень важно – о явном неблагополучии в самой научной психологии. Игнорировать эти симптомы по меньшей мере недальновидно. Несомненно, разрыв между психологической наукой и психологической практикой сегодня существует. Но что стоит за этим разрывом? Могут ли быть вскрыты глубинные причины этого разрыва? По нашему мнению, причина все та же – слишком узкое понимание предмета научной психологией.

В последние годы много говорится о постмодернистской парадигме в психологии. В других

работах, помещенных в рассматриваемом сборнике, затрагиваются также важные методологические вопросы. В частности, рассматривается влияние, оказанное на психологию постмодернизмом. Этот актуальный вопрос обсуждается в работе Т.Д. Марцинковской [10]. Автор приходит к выводу: «Полипарадигмальный характер современной психологии дает возможность не только выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнение понятия избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования, что органично связывает их методологию с постмодернизмом» [10, с. 43]. «Согласно постмодернистскому взгляду, мир многомерен и многогранен, а образ мира – это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений, теорий. Как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде всего, от нашего сознания, от нашей интенции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и применима, чем предыдущие, но ни одна не описывает явления полностью и окончательно, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности» [10, с.43]. Этому вопросу касается в своей работе и М.С. Гусельцева, которая отмечает: «Прочтение постмодернизма современной психологией – дело сколь эвристическое, столь и ответственное. К находкам постмодернизма относят метафоричность дискурса, синкретичность мысли, принципиальную недоконцептуализированность понятий, творчество терминов, эксперименты со стилем. Что же касается отрицания постмодернизмом автора, субъекта, то и в этом можно найти здравый смысл. Постмодернизм демократичен, он стирает грани между вещами, между старым и новым, низом и верхом, отменяет иерархии. Это мироощущение, это жизненный стиль...» [3, с. 70].

На наш взгляд, самый глубокий анализ влияния постмодернизма на методологию психологии проделан В.А. Янчуком, чьи работы хорошо знакомы читателю [17; 18].

На наш взгляд, ввиду размытости постмодернистской позиции она в настоящее время не может претендовать на роль ведущей парадигмы в психологии как науки.

Другим подходом, который заявляет о себе как о возможной новой парадигме психологической науки, является синергетика. В.Ю. Крылов назвал ее психосинергетикой [6]. Синергетика представляет собой междисциплинарное научное направление, возникшее в начале 70-х гг. прошлого столетия. Сам термин введен Г. Хакеном, немецким физиком. Другое направление в синергетике связано с именем И.Р. Пригожина, Нобелевского лауреата, известного физикохимика – так, например, теория диссипативных (неравновесных) структур. Пафос данного направления в том, что предпринимается попытка описания общих закономерностей, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах различной природы (физических, химических, социальных, биологических, экономических и т.д.). «Синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации сложных систем, как природных, так и человекомерных, в том числе когнитивных» [5, с. 4]. Особенный интерес вызывают попытки применить синергетику к психологии. Может ли синергетика претендовать на то, чтобы явиться новой психологической парадигмой? Не имея возможности здесь обсуждать специфику синергетического подхода к решению собственно психологических проблем (что, несомненно, представляет значительный интерес), остановимся на самых принципиальных моментах.

Разумеется, очень заманчиво разработать общую универсальную модель, которая была бы свободна от специфики предметного знания. Преимущества формальных построений были проанализированы еще Кантом. В. Ю. Крылов отмечал: «...нелинейные эффекты в психологических системах (имеющих аналогии в других дисциплинах) в точности описываются соответствующими моделями, взятыми из физики, химии, биологии и др.» [6, с.60]. Является ли синергетика общей фундаментальной теорией? По видимому, нет. К синергетике полностью приложима критика диалектики, осуществленная Карлом Поппером. (По отношению к диалектике критика, на наш взгляд, не является полностью справедливой). К. Поппер писал о диалектике: «интерпретация истории мышления может быть вполне удовлетворительной и добавляет некоторые ценные моменты к интерпретации мышле-

ния в терминах проб и ошибок» [11, с. 120]. Эти слова К. Поппера, сказанные в адрес диалектики, полностью можно отнести на счет синергетики. Она является не фундаментальной, но просто описательной теорией. Она полезна, когда мы имеем совершившийся процесс. Для того, чтобы, скажем, использовать концепцию аттракторов, нужно иметь представление о всех возможных путях ее развития. Вряд ли стоит говорить, насколько сложен этот вопрос для психологического изучения. Нельзя не согласиться с В. Ю. Крыловым: «Конечно, все сказанное о смене путей развития в точках неустойчивости предполагает наличие у системы свойства многовариантности путей развития. В связи с этим, важнейшей задачей нелинейного подхода в изучении развития психологических систем является выявление различных возможных для систем путей развития в данных внешних условиях» [6, с. 61]. Нельзя также не согласиться с другим тезисом В. Ю. Крылова, согласно которому «важнейшей задачей является выявление таких специфических нелинейных психологических систем, которые не имеют и не могут иметь аналогов среди систем более простой природы. Изучение таких систем, пожалуй, и должно составить наиболее важную часть нелинейной психологии. Сейчас же отметим только, что примером таких систем являются системы, обладающие развитыми языковыми средствами» [6, с. 60]. Очень важным, на наш взгляд, является положение, сформулированное В. Ю. Крыловым, согласно которому для психолога очень важно исследовать объект в его естественном спонтанном состоянии и развитии: «Метод такого изучения должен радикально отличаться от метода стимул-реакция, а именно, система должна помещаться в те или иные естественные для нее внешние условия, где наблюдается и фиксируется ее спонтанное поведение в данных условиях» [6, с. 61]. Важность этого положения трудно переоценить, так как такого рода методы позволяют получать не артефакты, а, напротив, данные о «невынужденном», естественном поведении объекта.

Сложность психологических объектов привела, однако, к тому, что элементарные линейные модели остались далеко в прошлом, на заре научной психологии (классический ассоцианизм, радикальный бихевиоризм). В психологии XX века распространение получили структурно-уровневые концепции (см. об этом: [12]). Наличие различных уровней и возможность между-

невых переходов, использование рефлексивных стратегий субъекта ставит перед синергетикой пока что неразрешимые проблемы. Особенно важно подчеркнуть, что в самой психологии, в наиболее продуктивных психологических концепциях накоплен материал (который нуждается в анализе и методолого-психологическом осмыслении), позволяющий по-новому (и не упрощая!) сформулировать представления о целостности (холизме), телеологии и т.д., которые пытается ввести синергетический подход. Как отмечают сами сторонники синергетики, «по всей вероятности, пока еще рано говорить о философии синергетики, а равным образом и о синергетике познания, т.е. о синергетическом видении когнитивных процессов как об общепринятых и в достаточной мере разработанных» [5, с. 218].

Впрочем, есть и более оптимистические оценки. В.Е. Ключко отмечает: «Психосинергетика – это теоретическая психология, точнее, психология, способная теоретически определить предмет своего исследования. Психология, сознательно согласившаяся с тем, что нельзя изучать работу разума, останавливая свое мышление на уровне рассудка. Потребуется еще громадная внутренняя работа, итогом которой должна стать совсем простая идея: не может возникнуть живое из неживого – его там просто нет по определению; не может психика (дух, душа) возникнуть из материи «при ее непосредственном воздействии на органы чувств» – ее там нет. Нет у человека прямого контакта с миром «чистой объективности», как нет его и с миром, в котором живет чистый (абсолютный) Дух. Нет у Духа своей обители, как нет и его самого – рафинированного, «чистого». Дух не скитается и не обитает неведомо где, а живет (в своей идеальной, интегральной форме) в культуре, в этом совокупном общественном продукте. Из нее он переходит в форму реального активного дифференцированного бытия в качестве духа конкретного человека, в нее возвращается по окончании его жизни – чаще обогащенным, иногда деформированным и больным и вынужденным восстанавливаться в процессах перехода в идеальную форму, в процессах интеграции со своей первоосновой» [4, с. 107]

В.Е. Ключко продолжает: «Самое сложное заключается в том, чтобы понять эту простоту: как «объективная реальность», так и «субъективная реальность» есть порождение обыденного сознания, рассудка, а задача «разумной» (теоретической) психологии заключается в том, чтобы не психику, а целостного человека определить в

качестве предмета науки. Ее актуальной задачей является прослеживание того, каким образом культура, хранящая и аккумулирующая в себе «дух» предков (добытые ими знания, отработанные способы видения мира, познания, мышления, их смыслы и ценности бытия, их волю, страсть и т.д.), трансформируется в одухотворенный мир конкретного человека, превращается в нем в то, что составляет его человеческую сущность: многомерный, наполненный предметами, звуками, красками, смыслами и ценностями, развивающийся Мир – в единственного претендента на то, чтобы называться «реальностью» и «действительностью» [4, с. 108].

Психосинергетика, по В.Е. Клочко, имеет большие перспективы развития: «Тенденция развития научного мышления, идущая по линии «метафизика – диалектика – синергетика», не оборвется на синергетике. Она продолжится через конкретизацию в пока недоступных нам механизмах метасистемного мышления. Нам же предстоит ассимилировать этот временный предел научной мысли как опору для ее дальнейшего движения. Причем ассимилировать не на простых системах, где взаимодействие со средой обеспечено фактом однопорядковости, однородности, относительной тождественности системы и ее среды, когда запрограммирована случайность встречи явлений и сущностей, не являющихся в полной мере противоположностями, приводящая каким-то образом к порядку. Психосинергетике предстоит объяснить, каким образом детерминирована, обусловлена сама возможность взаимодействия живого и неживого, материи и духа, психического и физического, открыть причину их взаимодействия и его порождающий эффект» [4, с. 109].

Но, тем не менее, все это пока в будущем.

Таким образом, на современном этапе синергетика пока не может претендовать на то, чтобы явиться новой полноценной парадигмой психологии.

Все же психология может рассчитывать на преодоление кризиса и конфликта между различными парадигмами. Об этом пишет А.В. Юревич: «Комплексные, многополярные психологические объяснения, в которых нашлось бы место и нейронам и смыслу жизни, могли бы послужить одним из главных средств преодоления противостояния естественно-научного и гуманитарного изучения психики» [15, с. 14]. А.В. Юревич приходит к выводу, что «новые тенденции в развитии психологической науки дают основание

предположить, что она отнюдь не обречена на извечное противостояние естественно-научной и гуманитарной парадигм, которые при определенном взгляде на психологическую реальность могут выглядеть не только не антагонистичными, но и, в терминах Т. Куна, вполне соизмеримыми друг с другом и друг в друге нуждающимися» [15, с. 14].

Для этого, на наш взгляд, необходимы внутренние преобразования внутри самой психологии. В первую очередь требуется новое, более широкое понимание самого предмета психологии [8]. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук, так как все у них разное. Поэтому понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой. В решении этой проблемы можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в основном уже проделана. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа уже проводится [9]. Как конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека». Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместили всю психическую реальность в полном объеме.

Библиографический список

1. Василюк, Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса [Текст] // Вопросы психологии. – 1996. – № 6. – С. 25–40.
2. Гараи, Л., Кечке, М. Еще один кризис в психологии! [Текст] // Вопросы философии. - 1997. – № 4. – С. 86–96.
3. Гусельцева, М. С. Постмодернистские пер-

спективы развития психологии [Текст] // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. – М.: ИПРАН, 2007. – С. 45–73.

4. Ключко, В. Е. Психосинергетика: настоящее и будущее психологии [Текст] // Материалы конференции «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии». – Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. – С. 101–110.

5. Князева, Е. Н. Одиссея научного разума [Текст]. – М.: ИФ РАН, 1995. – 228 с.

6. Крылов, В. Ю. Психосинергетика как возможная новая парадигма психологической науки [Текст] // Психологический журнал. – Т. 19. – № 3. – 1998. – С. 56–62.

7. Мазиллов, В. А. Теория и метод в психологии [Текст]. – Ярославль : МАПН, 1998.

8. Мазиллов, В. А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы [Текст]. – Ярославль: МАПН, 2001.

9. Мазиллов, В. А. Методология психологии [Текст]. – Ярославль: МАПН, 2007.

10. Марцинковская, Т. Д. Психология в современном мире [Текст] // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. – М.: ИПРАН, 2007. – С. 33–44.

11. Поппер, К. Что такое диалектика? [Текст] // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 118–139.

12. Роговин, М. С. Структурно-уровневые теории в психологии [Текст]. – Ярославль : ЯрГУ, 1977.

13. Черняк, В. С. Парадигма // Современная западная философия [Текст] : словарь. – М.: Изд. полит. лит., 1991. – С. 227.

14. Юревич, А. В. Системный кризис психологии [Текст] // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 3–11.

15. Юревич, А. В. Перспективы парадигмального синтеза [Текст] // Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – 2008. – С. 3–15.

16. Янчук, В. А. Постмодернистский социокультурный индетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии [Текст] // Методология и история психологии. – Т. 1. – Вып. 1. – 2006. – С. 193–206.

17. Янчук, В. А. Психология постмодерна [Текст] // Время как фактор изменений личности. – Минск : ЕГУ, 2003. – С. 175–201.

18. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology // I Международная конференция памяти А.П. Лурии. – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24–26, 1997. М.: MGU, p.117.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vasilyuk F.E. Metodologicheskij smysl psikhologicheskogo skhizisa // Voprosy psikhologii, № 6, 1996, s. 25–40.

2. Garai L., Kechke M. Eshhe odin krizis v psikhologii! // Voprosy filosofii, № 4, 1997, s. 86–96.

3. Gusel'tseva M.S. Postmodernistskie perspektivy razvitiya psikhologii // Teoriya i metodologiya psikhologii: postneklassicheskaya perspektiva / Pod red. A.L.ZHuravleva, A.V.YUrevicha. М.: IPRAN, 2007, s. 45-73

4. Klochko V.E. Psikhosinergetika: nastoyashhee i budushhee psikhologii // Materialy konferentsii «Chelovek v psikhologii: orientiry issledovaniy v novom stoletii». Karaganda: Izd-vo KarGU, 2001, s. 101-110

5. Knyazeva E.N. Odisseya nauchnogo razuma. М.: IF RAN, 1995. 228 s.

6. Krylov V.YU. Psikhosinergetika kak vozmozhnaya novaya paradigma psikhologicheskoy nauki // Psikhologicheskij zhurnal. T.19, № 3, 1998, s. 56–62.

7. Mazilov V.A. Teoriya i metod v psikhologii. YAroslavl': MAPN, 1998.

8. Mazilov V.A. Psikhologiya na poroge XXI veka: metodologicheskie problemy. YAroslavl': MAPN, 2001

9. Mazilov V.A. Metodologiya psikhologii. YAroslavl': MAPN, 2007.

10. Martsinkovskaya T.D. Psikhologiya v sovremennom mire // Teoriya i metodologiya psikhologii: postneklassicheskaya perspektiva / Pod red. A.L.ZHuravleva, A.V.YUrevicha. М.: IPRAN, 2007, s. 33-44

11. Popper K. CHto takoe dialektika? // Voprosy filosofii, № 1, 1995, c.118-139.

12. Rogovin M.S. Strukturno-urovnevye teorii v psikhologii. YAroslavl': YArGU, 1977.

13. CHernyak V.S. Paradigma // Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar'. М.: Izd. polit. lit., 1991, s. 227.

14. YUrevich A.V. Sistemnyj krizis psikhologii // Voprosy psikhologii, № 2, 1999, s. 3–11.

15. YUrevich A.V.. Perspektivy paradigmalnogo sinteza // Voprosy psikhologii, №1, 2008, s.3-1534. YAnchuk V.A.Postmodernistskiy sotsiokul'turnyj indeterministskiy dialogizm kak perspektiva pozitsionirovaniya v predmete psikhologii // Metodologiya i istoriya psikhologii, T.1. Vyp. 1., 2006, s. 193-206

16. YAnchuk V.A. Psikhologiya postmoderna // Vremya kak faktor izmenenij lichnosti. Minsk: EGU, 2003, s. 175-201

17. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology // I Международная конференция памяти А.П. Лурии – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24–26, 1997. М.: MGU, p.117.